

БОРИС ВЕРКОВИЧ

В примятом сене повелились ось.
Подпола автобус в земляном дыму,
И люди, подбежавшие к нему,
Все были молоды, русоволосы
И смеялись...

Мне кажется, мой дом — ворота.
И постоянно слышу плач.
В горах срубили карагач,
А может в поле плачет кто-то,
А может это поднялся
В стенах, похоже на рис
С песком и крапом сорных трав,
И завихрились, пронеслись,
По ходу земля ободрав,
Кочевники, и дают элей,

Сильней, на юг, через нагорья,
И в латку Средиземноморья
Стрегают перцы кораблей.

А может, выходя на сушу,
На берег самых первых стран,
Цветные шумят барабан —
Свое ритмическую душу.

Мне кажется, что я — коринф.
Я был подкоркой лавра. Я
Прошел весь долгий плен килля.
Настало время раствориться.

Ручей течет по дну канавы
И дергает за листья травы.
Над ним безветрие, жара
И облачные хутора.

Капуста - овод прета дали.
Вставай! Пора тащиться вдаль.
Эх, покидать канаву жаль.
Мы что, капусты не видели?

Грязные воды, мелкие травы,
Мокрые зимы без снега,
Углые вещи, бездушные вещи,
Сделанные машиной,

Если послушать певцов безголосых —
Станет и страшно и стыдно:
Что за пустое, бесславное время!
Что мы оставим внукам?!

Мы собираем старую мебель,
Прах тревожим в архивах,
В наших стихах растворяем строки
Авторов, живших раньше.

Время, тогда ценили умелых?
Знали своих поэтов?
Может быть внуки увидят то, что
Мы разглядеть не можем.

Колокол застыл, лихая звук
 шипит.
 Звук достиг фасадов и застрял
 в ленте.
 Только у подножья, на ветру,
 индий
 звякал чем-то сложенным
 в его копье.
 В комнате навалою, будто бой
 длится.
 Я сидел у самого огня,
 с края,
 мимо стекол вина
 спланировала птица.
 Что другие видели - я не знаю.
 Колокол, бросающий на лед деньги,
 Ледяной калюга, как узор
 свету,
 Птица, как матрос,
 летящий с бран-стенки -
 верю в эту троицу.
 Рисуй эту.

Сидим и ждем, как девушки в Гареме.
Вот вырвемся - позалуемся маме.
Ой, мама, пролетает наше время,
Как облака над блочными домами.

А мама занята. Пойдем в тупик!
Пойдем в тупик - заброшенная ветка.
На ветке почка - ржавый паровик.
А в тупике - дощатая манжетка.

В манжетке бьетса фабрика - рука
С большой трубой. Дымок на черной дуле,
И из него, как медленные пули,
Все время вылетают облака.

Да нет, не объёма, а пузыри.
Не пузыри, а, знаете, такое,
Как светлые глаза в часы покоя,
Как радуги, как отблески заря.

Труба дрожит, выбрасывая в дали
Объёмные, живые витражи.
А из чего их гонят? Не дрожи.
Мы не пришли бы, если бы не знали.

На пустыре нетронутой зимы,
На рельсах мы стоим вполоборота.
Ой, мама, раскрываются ворота,
Ой, мама, мы идем в ворота, мы...

Всё делили. Смотрите, как падает лес,
Как колочка натянута возле небес,
И в прощальную ночь до этапа, без сна,
Навололи друг другу свои имена.

Так, братаясь, дарили друг другу кресты.
Ты теперь - это я. Я теперь - это ты.

Брат работал в порту. Смерть пришла по песку.
И когда его чикнуло всюльвэ по виску
Перетершимся тросом точнее пера -
Брат на просеке не уронил топора.

Время молча ведёт ледяные моря,
Как бесцветный полуденный свет декабря,
Несказанный, дразнящий мучительно свет -
Ни названья, ни краски, ни образа нет.

Если слово свое я к нему подберу -
Я умру.

И не морщит поверхности этих морей
Ни слезинка, ни колышка, ни вежа.
Только надпись на пальцах начальника цеха.
Только надпись: "АНДРЕЙ".

Весной, когда темнеет лед,
Ковани-год, готовясь к славу,
Зеркальный, круглый плод-державу
Пускает медленно вперед.

На ней с обрывами плывет
Всецветной пленкой отраженья
Подледных и воздушных вод.
Она - экран всего движенья.

То перед нами светлый вид
Сухой осенней перспективы,
То коло февральских реактивы,
То майской ночи влок завит.

Вокруг нетвердый яркий свет.
Вдруг серо. Странная погода.
В нас нет такого перехода -
Поэтому и нас в нем нет.

Мы - берега весенних дней,
Витрин и лук. Зеркальной кожи
Держава нам не даст. Ну что же -
Мы будем обручи на ней.

•   •
•

Как изменяешься в дороге...
Вот я достиг священных мест.
Вода песчаный берег ест,
А как изъела нас... О боги!
Кто боги? Крестия? Боже! Мой?
И стал в дороге невержен...
А вот купец: доплыл за перцем -
И возвращается домой.

И ненавижу слова о том,
Что поэты должны ночевать под мостом,
Что нес - никуда, если махнет хвостом,
Что жизнь проста и счастье - в простом,
Что тот, кто пил, так и будет пить,
А тот, кто любил, так и будет любить,
Что били тебя - значит будут бить,
И нечего зря свою злость тупить,
Что каждый должен держаться своих,
Что вечная драка - участь двоих,
Что душа раба тяжелой ярма,
Снимешь ярмо - будет гнуть сама,
Что дом - тюрьма, но нужны дома -
На улице слишком часто зима.
Эти слова, как большие дни,
И ненавижу за то, что они -

Правда.

° ° °

Вдох. Показывает ветер
Листьев светлые немани.
Вдох - и все деревья - ивы,
Будто только китайские
Оплели глазами ветки,
Сбросив веки. Что им платья...
Чьи глаза? - хочу узнать я.
Но у глаз не спросишь: "Чьи вы?"
У шмен не спросишь: "Где вы?"
Все ничье, ничье, как в поле
Тополь, освещенный слеза.
Блеск знакомый. Это Оля.
Взгляд знакомый. Это Баа.

Здесь полчаса прожить - работа,
Здесь чудо дивное - любить,
Здесь могут запросто убить
В парадной - примут за кого-то,

Здесь четверть года все мертво,
И землю стягивает пленка,
А я привел сюда ребенка.
Не отказался за него.

А маленькое существо
С лицом неясным, с мягким телом,
Глядите на двор, покрытый белым,
Еще не помня ничего.

Гончар, собака - гордый человек.

Он делает, не замечая рук,

А музыкант, не поднимая век,

Играет все, что движется вокруг.

А император любит свой покой.

Он поменял местами этих двух.

Вот глина, оскорбленная рукой,

И скрипка, оскорбляющая слух.

Гасите смуты переменой мест.

Пусть каждый ни за что получит хлеб,

почувствует и благодарно съест.

И будет до заката тих и слеп.

А вечер - разрешенная пора.
К кувшинам отпускают скринька,
И скринька дожидается плеча
Измученного глиной Гончара.

У каждого есть вроде коробка,
Куда он заползает иногда,
Когда не спит и цепь не коротка.
Из них, бывает, строят города.
Узнать бы - где.
Как хочется туда...